

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РЕФОРМ - ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

Макушкин А.Г.

Мнение о наличии планов реформ и возможности изменить их ход, поменяв отдельных политиков, не соответствует действительности. Процесс, запущенный еще в годы перестройки и унаследовавший основные структурные основы предыдущих десятилетий, в радикализме образца 1992 года нашел лишь своего нового выразителя, но не демиурга. Логика этого процесса ведет к прогрессивной утрате ресурсной основы у системы принятия решений, что неизбежно ставит вопрос о легитимации политической системы и социальной идентификации в целом. Какие подходы позволяют рассчитывать на преодоление этой логики и какие силы их в состоянии реализовать - вот предмет актуальных размышлений.

Теоретическая мысль наших дней в стане российских реформаторов и среди западных наблюдателей вращается вокруг одного сакраментального вопроса: представляющаяся очевидной неудача экономических реформ в России - это результат изначально избранного курса или следствие того, что правильные меры оказались брошены на полпути и не были доведены до конца? Однако следует поразмыслить и о самом предмете, заявленном в вопросе: следует ли реформы (или то, что ими называлось) рассматривать через призму логической модели, которой хотели держаться или какое-то время действительно придерживались политики? Было ли это по большому счету сознательным реформированием? Не были ли мы свидетелями саморазвертывания непреодолимой логики обстоятельств, где каждая новая программа от дежурных властителей дум оборачивались лишь фиксацией на бумаге очередного контрапункта? Постараться ухватить эту логику, соизмерить с ней свои нынешние возможности и выдвинуть приоритеты, в рамках которых возможно осмысленное политическое действие - вот что нам представляется главным.

Без большого риска можно утверждать, что рассмотрение "планов рыночных реформ" в России через призму их согласия с внутренней логикой той или иной экономической школы - не главное в год десятилетия перестройки. Здесь важно не столько обоснование намерений и продемонстрированных умений, сколько осознание инициированных процессов. Это во-первых.

Во-вторых, то, что сегодня подвергается наиболее активной критике, а именно: радикальные реформы начала 1992, - следует рассматривать как шаги конкретных политиков, вынужденных логикой событий 1986-1991 гг., ничуть не в меньшей степени, чем личными научными и политическими предпочтениями Е.Гайдара и его команды.

В-третьих, надо со всей возможной ясностью отдать себе отчет, что экономические реформы, направленные на повышение продуктивности ресурсов, накопленных страной за все годы ее существования, - в годы радикальной демократизации не выступали центром внимания со стороны политиков реформы-революции, их приоритеты не определяли логики социального процесса.

Все это говорит за то, что в поле зрения аналитика должен включаться круг проблем, выходящий за рамки позитивистского истолкования намерений "демократов-рыночников", а также экономической доктрины трансформации советского общества. Придется также согласиться с тем, что выработка и принятие

МИР РОССИИ. 1995. №2

нормативного образа будущего статуса Российского общества была и остается неотъемлемой частью любых серьезных реформ в экономике, вне которого они разползаются по швам и гибнут в рутине беспринципной прагматики.

Насколько нужен вопрос "кто виноват"? Может ли он продвинуть нас в решении указанных выше задач? Обижаться, к примеру, на МВФ или на Джеффри Сакса неразумно, уже потому, что советником его сделало первое демократическое правительство России, и выбрали его ученики донные уважаемых академиков и профессоров. Да и что доктору Саксу еще одна обида на него? Добавится, допустим, в его послужном списке к обиде Боливии, Мексики, Польши и еще трех-пяти стран разных континентов еще и обида России, неужто это его заставит пересмотреть свою жизненную позицию? Вряд ли. Да и в нашем ли положении упиваться отмщением, в очередной раз давая выход разрушительной отрицательной энергии.

Так бы и хорошо, да вот только среди нас довольно живых участников, в намерения которых входит не писательский труд мемуариста, а обретение нового политического кредита доверия. А тут как же избежать вопроса о личном вкладе в пришедшее?

И все же, важнее прочего сегодня осмыслить итог, понять то, к чему пришла Россия за последние десять лет, и через это понимание осознать те усилия, которые всем вместе и каждому в отдельности необходимо будет предпринять для целей возрождения страны.

Пытаясь охватить продолжительный и сложный период, без чего нельзя получить достаточно общих выводов, придется ограничиться схематичным изложением своей позиции, построенным, прежде всего, на демонстрации той логической цепочки событий, которая определяла каждый новый этап в эскалации системного кризиса. Наша позиция основана на гипотезе о неконтролируемом и даже более того - неосознанном процессе изменений, которые были инициированы политикой перестройки. В идеале основной вывод и позитивный выход из анализа должен состоять в получении такой картины происходящего, которая позволила бы в последующем перехватить инициативу у стихийного процесса, взять его под контроль и направить на решение тех задач, которые соответствуют достижению сознательно поставленных целей.

Если отвлечься от предположения, что в идее перестройки лежала задача "разрушить империю", то последующие события надо рассматривать как взаимосвязь ошибок, вынужденных и добровольных заблуждений, требующих своего объяснения и рекомендаций к исправлению последствий.

Концепция, принятая в статье, строится на взаимосвязи ресурсного контура воспроизводства и системы власти. Исходя из нее ключевым моментом является способность к устойчивому расширенному воспроизведению ресурсного потенциала общества в рамках легитимизированных властных институтов. Проблематизация этого отношения выражается в доказательстве властью своей способности распоряжаться ресурсами согласно основополагающим параметрам социальной идентичности - ставить и обеспечивать достижение общественно значимых целей путем соответствующего маневра в "ресурсном контуре". В свою очередь, такая способность связана с верным пониманием механизмов "экономической машины", вмешательство в работу которой обеспечивает власть. Неадекватность отражения ведет к постановке недостижимых целей, дискредитации власти как эксперта и как выразителя общественных приоритетов. В своем полном развитии указанное про-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

тиворечие ведет к появлению альтернативных центров принятия решения и утрате социальной идентичности.

С этой точки зрения, исходным и главным упущением реформаторов в СССР была неправильная оценка системных свойств объекта реформ, если смотреть на народнохозяйственный комплекс СССР как на ресурсный контур, призванный обеспечить программу трансформации, предложенную властью. В сущности начало перестройки (в 1985 году) совпало с наступлением очередного воспроизводственного кризиса национальной экономики, обусловленного истощением легко доступных ресурсов. Последним предупреждением стал спад 1982 года в добыче нефти и заметное снижение цен на экспортируемую нефть. Изменить воспроизводственный тип экономической системы, сделав ее самоподдерживающейся и конкурентоспособной в ходе более глубокой интеграции в мировое сообщество - таков был объективный вызов стратегии выживания.

В сущности проблема воспроизводственного кризиса состоит в преодолении таких системных пороков экономической структуры, которые регулярно приводят к более быстрому истощению средств к существованию, чем их зарабатывание.¹ Принципиальное решение проблемы выживания для советской системы, построенной по "мобилизационному принципу", вместо воспроизводственного, состояло в том, чтобы в исторически сжатые сроки, за то время, пока есть относительно свободные средства, попытаться создать нормальный воспроизводственный контур, достаточный с точки зрения потребностей страны.² Отсюда значение контроля за расходованием наиболее ликвидных ресурсов и изменения стратегии экономической политики в соответствии с наличным объемом ликвидных хозяйственных активов.

Но, прежде чем переходить к выработке практической политики трансформации, руководителям предстояло определить целый ряд принципиальных вопросов методологического свойства. Среди первых следовало бы выделить вопрос о роли внутреннего и внешнего экономического потенциала в реализации новой стратегии. К сожалению, все последующие события показали, что в этом пункте не было достигнуто необходимого понимания проблемы. А оно, как нам представляется, должно было бы выразиться в тщательном анализе реальной степени интегрированности советской экономики в мирохозяйственные связи, в оценке зависимости от них тех секторов отечественной экономики, на которые ложился основной груз по добыванию столь необходимых свободных капиталов и технологического обеспечения намеченных планов, а также отраслей, ускоренное развитие которых ставилось во главу угла политики модернизации. Говоря коротко, риск состоял в перегрузке внутреннего потенциала непосильными для него заданиями и последующим обращением к внешним займам и импорту технологий.³

Еще на заре перестройки получил широкое хождение ошибочный тезис о высокой степени автаркичности советской экономики и об истощении внутреннего потенциала экономического развития. За таким высказыванием крылась мысль о том, что экономическое пространство в государственных границах Советского Союза представляет собой вещь самодостаточную, независимую в критической степени от импорта промышленных технологий из-за рубежа, а также от сбыта своей продукции на внешних рынках. Этим, по-видимому, объясняется почти что полное игнорирование утраты СССР сперва рынков в Восточной Европе (странах-членах СЭВ), а затем и рынков в странах так называемого третьего мира, таких, например, как Индия, Ирак и другие. В 1987-1989 году эти события казались в практическом плане не только маловажными, но в угоду политическим соображениям они были объявлены непозволительной роскошью для страны, поскольку

провозглашались неким экономическим благодеянием либо, что еще хуже, проявлением советского гегемонизма.

И в первом, и во втором случае недооценке подвергалась специфическая утяжеленная структура народного хозяйства с доминированием первичного сектора - сферы добычи, первичной переработки и доставки сырьевых ресурсов и энергии, а также производств начальных технологических переделов: металлургия, основная химия, промышленность строительных материалов. Такое построение экономики заставляло ее работать по принципу своеобразного насоса - длительные обороты средств, вкладываемых в эту структуру, требовали не только особой системы гарантий возвратности, без чего сама структура начинала действовать как мощный источник инфляции, но также достаточно емкого и стабильного рынка сбыта для выпускаемой продукции. Пока десять-пятнадцать лет строилось металлургическое предприятие или тракторно-танковый завод, рабочих должны были кормить те, кто потом мог бы покупать их продукцию. При доминировании сектора с длительными циклами оборота устойчивость пирамиды, оказывающейся поставленной на верхушку, могла быть обеспечена только за счет опоры нависающих ресурсов на внешние рынки, через которые происходил обмен и перераспределение ресурсов (по каналам государственной финансовой системы и системы материально-технического снабжения) между предприятиями, производившими продукцию с длительными циклами, и внешними производителями товаров и услуг, преимущественно гражданского и потребительского назначения.

Все эти свойства народного хозяйства СССР были давно и хорошо известны. Также хорошо понималось, что нефтяной дождь, пролившийся в 70-ые годы, отнюдь не способствовал исправлению этих принципиальных дефектов экономической структуры. Напротив, наиболее важные для стабильности национальной экономики хозяйственные циклы короткой протяженности оказались в критической зависимости от внешних рынков. А отрыв потребительского и капитального сектора был еще более усугублен благодаря импорту готовых товаров широкого потребления и готовых технологий для их производства. Собственное же инвестиционное машиностроение, например, оказалось еще менее развитым по отношению к выросшим потребностям легкой и пищевой промышленности, к сельскому хозяйству. Дополнительные капиталы расходовались на что угодно, но не на создание надежной промышленной основы воспроизводства в СССР и в странах, на рынки которых национальные производители могли рассчитывать в долгосрочной перспективе. Ко второй половине 80-ых годов сложилась ситуация, когда национальная экономика попала в исключительно большую зависимость от поставок иностранного технологического оборудования и материалов для всех без исключения отраслей гражданской промышленности. Кризис нефтедобычи 1982 г. показал со всей наглядностью, что созрели критические условия для распада структуры устойчивости союзной экономики, ибо все более высокую долю средств от экспорта нефти и газа надо было тратить на поддержание достигнутых объемов добычи и экспорта и сокращать их передачу в другие отрасли.

Реально сформировавшаяся сверхзависимость экономики от внешних рынков делала их утрату главной стратегической опасностью для народного хозяйства СССР. Она объективно выводила внешнеполитический аспект поведения государства на уровень одного из решающих факторов экономической устойчивости, одновременно предопределяя и важнейшую задачу внутриэкономической реформации, - модернизацию отечественного инвестиционного машиностроения и промышленности конструкционных материалов, наряду с развитием альтернативных источников экспорта.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Некомпенсированная утрата этих рынков вела к переносу всей тяжести длительных циклов на неподготовленные внутренние рынки и тем самым, по сути дела, подписывала смертный приговор сложившейся экономике технологической структуре. Положение могла спасти только широко понимаемая конверсия производственных мощностей, а также снятие "внеэкономической" нагрузки на народное хозяйство СССР (сокращение военного бюджета, иностранной помощи и т.п.). С утратой внешних подпорок (рынков в Восточной Европе) эволюция экономической структуры сперва в Советском Союзе, а затем и в России, по существу, в автоматическом порядке требовала от руководителей государства проведения такой политики, в основе которой было высвобождение (сброс) существенной части ресурсов из сектора с длительными циклами оборота и их перераспределением в сектор с короткими циклами, обеспечивающий текущее воспроизводство. При нормальной установке на рост продуктивности хозяйственных ресурсов, такой поворот в экономической политике означал массивные инвестиции, а значит порождал и проблему эффективной инвестиционной политики.

Любые инвестиции - это отвлечение значительных средств в незавершенном производстве, что означает финансирование без встречного потока товаров и услуг, готовых к употреблению. Другими словами, инвестиции неизбежно сопровождаются риском инфляционного выброса. Чем ниже эффективность инвестиционного комплекса, чем слабее контроль со стороны хозяйствующих субъектов за освоением выделенных средств и чем меньше остающийся у государства резерв средств, свободных для потенциальной компенсации выбросов инфляции, тем выше риск похоронить экономику под денежными знаками, необеспеченными товарной массой.

Тем более это верно, если иметь в виду, что в СССР инвестиционная деятельность государства означала замораживание средств на 7-10 лет. Отдавая себе отчет в низкой эффективности инвестиционной политики и ограниченности средств, которые можно было здесь использовать, руководители государства должны были в первую очередь минимизировать сроки отвлечения средств и обеспечение запланированных эффектов. Имелось в виду, за счет изменений в структуре инвестиций - направляя их на техническую реконструкцию и модернизацию вместо нового строительства - в несколько раз сократить инвестиционный промышленный цикл. Вторым элементом стратегии последней двенадцатой пятилетки должен был стать массивный инвестиционный удар - объем капиталовложений в инвестиционное машиностроение и другие сектора инвестиционного сектора к 1989 году был почти равен всем вложениям, сделанным в предыдущей пятилетке. Однако намерения политического руководства СССР получить от них быструю и высокую отдачу на поверку оказались существенно завышены относительно сохранившихся у страны возможностей.

Если принять во внимание крайне неблагоприятные сопутствующие события, потребовавшие колоссальных непроизводительных затрат (Чернобыль, армянское землетрясение), то можно увидеть, что к концу 1988 года стало ясно - внутренний хозяйственный потенциал перегружен и не может справиться с поставленными задачами.

Первоначальные надежды на форсированную модернизацию инвестиционного машиностроения и сокращения в несколько раз инвестиционного цикла в течение двух лет показали свою несостоятельность. Вспыхнувшие на какое-то время надежды, что такую роль может сыграть "конверсия" оборонной промышленности (около 2/3 всего машиностроения), очень скоро сошли на нет. Надеждам на то, что вместо танков оборонные предприятия через год-другой смогут выпускать насосы-качалки или тестомешалки - все то, на что в то время существовал острый дефицит,

- также не суждено было осуществиться, как по причине технологических и маркетинговых сложностей, так и в силу простой дороговизны "конверсионной продукции".^{iv}

Ресурсы, выделенные под эти проекты, остались "не освоенными", однако создали обыкновенный для советской экономики задел незавершенного производства, сверхнормативных производственных запасов, превратились в выплаченную заработную плату. Но вместо товарной массы на рынок, и без того страдающий от товарного дефицита, в итоге поступили только дополнительные деньги.

На какой-то момент получил хождение тезис о "социальной переориентации" экономики, ставший предтечей более серьезных работ о полной замене хозяйственного механизма. Новая политика доходов, сопровождающаяся снятием формальных ограничений на верхний уровень заработной платы и использование предприятиями остатков прибыли на своих счетах по своему усмотрению, давала надежду, что уже вложенные средства будут более эффективно использоваться за счет некапиталоемких организационно-технических мероприятий: модернизации стиля управления производством, общей организации труда на предприятиях. Однако повлиять в лучшую сторону на ситуацию в целом это не могло. Пожалуй, даже напротив, влияние указанных явлений на стратегию экономической трансформации было негативным. К 1989 году советское хозяйственное руководство, не только попало в очередной для себя инвестиционный кризис, но и отказалось при этом от привычных средств выхода из него. Для завершения картины добавим к числу важнейших обстоятельств, сделавших ситуацию тупиковой, быстро и незаметно проведенную трансформацию двухсекторной денежной экономики на односекторную. Правила игры которой были просто не понятны для лидеров преобразований.

Несомненно, груз накопленных ошибок и неудач к этому моменту требовал новых подходов в экономике. Остатки свободных средств были истрачены на инвестиционную политику ускорения. Повысив пресловутую фондовооруженность получили снижающуюся фондоотдачу. С одной стороны, требовалось исхитриться и решить два вопроса: повысить отдачу вложенных средств не инвестируя новых и изыскать совершенно новый источник свободных капиталов, который был за рубежом.

Истратив ресурсы без видимого эффекта, властные институты породили сомнения в своей способности к дальнейшим преобразованиям. Так что, с другой стороны, указанные ошибки ставили и вопрос о политической ответственности. Выходом мог быть курс на поиск виноватых в рамках традиционной схемы, либо пересмотр принципов осуществления власти. Силой обстоятельств лидеры перестройки вынуждены были искать опору для своих планов в новых политических структурах, выводящих их одновременно из под удара традиционной машины власти, где, как известно, конкурентов всегда достаточно.

Как следствие в экономической доктрине власти почти гарантированно возникало несколько новых "вызовов": обращение к *внешним заимствованиям* и тем самым увеличение внешнего долга, отягощенного политическим давлением; поиск кардинальных решений в борьбе против *инфляционного навеса* (как с точки зрения сделанного "запаса", так и с точки зрения "потока" - основных факторов образования "лишних денег"); выход на новую структуру *легитимации* государственных решений, выводящую из под удара лидеров нового политического курса и парализующую "консервативную" властную пирамиду. Попытки разрешения этих задач в итоге переросли в распад Союза и радикальную экономическую реформу по-гайдару в России.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Уже к 1988 году идея обратиться к свободным капиталам международных финансовых организаций и отдельных стран была принята как основа среднесрочной политики. К лету 1989 года импорт превысил экспорт. Страна могла жить в таком режиме либо расходуя запасы, либо беря в долг. Страна, переживающая экономические трудности, не могла себе позволить слишком долго жить в таком состоянии. Вставал вопрос: как далеко в отношении внешних заимствований готово было пойти советское руководство?

Если судить по предложениям, которые в 1990 году привезли в США представители московского руководства, речь могла идти о 100 млрд. долларов прямых инвестиций в развитие промышленности. Столь значительный "запрос" фактически означал признание иностранных инвестиций в качестве локомотива политики модернизации промышленности СССР. Согласие на зависимость от внешних кредитов и быстрое развертывание ситуации со снижением курса рубля по отношению к поступающим долларovým инъекциям, а также жесткое требование кредиторов принять новый коммерческий обменный курс в качестве основного при введении внутренней конвертируемости - означало тот незримый и редко упоминаемый поворот в экономической стратегии, который в итоге усугубил вышеназванные структурные дисбалансы.

Однако реализация такой возможности была связана с открытой декларацией высшими руководителями страны нового курса на "коренную модификацию" всех общественных институтов в соответствии "с общепризнанными принципами демократического устройства". Это звучало как императив. Так в докладе "Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов" выпуска 1988 года отмечалось, что "советская экономическая система остается на данный момент фундаментально несовместимой с участием в институтах свободного мира. Прежде чем вопрос о таком участии мог бы подвергнуться рассмотрению, политические заявления должны быть, воплощены в позитивные действия."^{iv} Согласие с такой формулой было де факто дано в сентябре следующего 1989 года на 44 сессии Генассамблеи ООН, где СССР официально объявил о своем намерении стать членом МВФ и МБ. Этим негласно ставился крест на доктрине "экономических реформ" и подготавливалась почва для "радикальных изменений" в стране.

Новый курс еще больше подстегивал обстоятельства, диктовавшие создание параллельной структуры власти. Лидер, взявший на себя смелость, пойти на такой шаг, нуждался в новой "смелой программе", дающей ему право требовать для себя особых полномочий, и одновременно вербующей в ряды его сторонников "новых политиков", которым отводилась на первом этапе роль резерва для смены кадров в старой советской системе власти. На эти вакансии выдвинулась программа, в дальнейшем развитая в известный план "500 дней", и идея "союза государств", а конкретнее - лидеров республик СССР, которым фактически отводилась роль "отцов основателей" нового Союза и соответствующее место в истории "своих народов". Именно лидеры республик, могли поддержать фигуру Президента, составив более или менее организационно оформившуюся оппозицию центральной московской бюрократии. Новая президентская вертикаль была интересна и московским реформаторам, и лидерам республик. Остается не проясненным, какое место в действительности могло отводиться подобному сценарию - были или нет шансы доведения его до конца, или он служил по преимуществу лишь пугалом для прежней власти. Во всяком случае, сейчас ясно, что использование его в последнем качестве не удалось, зато "новая волна" политиков, действительно смыла своих предшественников.

Это отвлечение в область политологии понадобилось для того, чтобы подчеркнуть обстоятельство, которое послужило стимулом и основой для конкури-

рующих экономических программ, опирающихся на разные ветви власти и разные уровни ее иерархии. Параллельные властные структуры создали питательную среду для многочисленных конфликтов, задали новые возможности для маневра, прежде всего, "новым элитам", внося существенную неопределенность в механизм выработки приоритетов и самосознания системы власти как целого.

Однако вернемся к экономической политике. В логическом плане, переходным пунктом от ростовой модели эволюции старого народнохозяйственного комплекса к решительному монетаризму, порывающему с каноническим для советской экономики представлением экономической динамики и свободному от "коллективистской рефлексии", - явился вопрос о коренной перестройке "самого хозяйственного механизма", о собственности и о том, что мешает перестроить отношения в этой сфере. Главный довод радикально настроенных "реформаторов" состоял в том, что высшее союзное руководство "поручило средства не тем, кому надо", а поэтому потеряло их вполне законно. Отсюда следовало, что начинать реформы надо не с поиска дополнительных ресурсов, а с переделки хозяйственных субъектов.^{vi} Вывод закономерный, однако нельзя не заметить, что подобный ход мысли весьма неосторожно относился к значению того обстоятельства, что за минувшие годы средства *уже* были потрачены, а экономика *уже* выведена из равновесия. Из этого следовало, что формирование новых субъектов вынужденно должно было происходить в условиях высокой экономической неустойчивости и окрашенности в конфронтационные идеологические цвета.^{vii} Радикализировавшиеся представители перестроечных политиков в условиях тотально государственной экономики силой обстоятельств становились на сторону "новой экономики", антагонистически настроенной в отношении традиционной хозяйственной системы.

И хотя ни в 1989, ни в 1991 гг. никто из политических лидеров прилюдно не заявлял, что новая экономическая система может родиться только после похорон старой, то есть что новое должно родиться не из перестроенного старого, а из его обломков, - все практические шаги диктовались этими соображениями. Смерть одного должна была дать жизнь другому. Отсюда постоянно просматривающаяся в деятельности радикалов двойственность: с одной стороны, разговоры об *экономическом возрождении* страны как об отдаленной перспективе, с другой, в ближайшей перспективе - стремление сгладить эффекты *отмирания* традиционной экономики и *легитимизировать* новый сектор, выдвигая задачи его формирования выше "абстрактных требований возрождения национальной экономики". Если эту теоретическую установку дополнить попыткой части высших руководителей государства поменять социально-политическую базу преобразований, то от такого политического курса ожидать чего-либо, кроме высокопарной риторики о стратегическом выборе и собственного поведения, которое сродни поведению политических камикадзе, понимающих тщетность намеченного замысла, - было нечего.

Если смотреть на дело, имея в виду воспроизводственную модель, то в отличие от первоначальной экономической доктрины "перестройки", конверсии тяжелого сектора в интересах обслуживания внутреннего рынка капитальных товаров и услуг, - теперь, с конца 1991 года, речь шла, главным образом, о том, чтобы, по причине отсутствия средств для продолжения инвестиций посадить экономику на голодную диету. Ставилась задача самым решительным образом сократить избыточное производство в неэффективных секторах традиционной экономики и перераспределить высвобождающиеся ресурсы в интересах новых собственников. Это должно было заместить поиск новой сбалансированности воспроизводственной структуры экономики через перераспределение нагрузки утяжеленной структуры на внутренних и на внешних рынках путем их конверсии. Ставшие правилом экономия на бюджетных расходах и отказ от жесткой государственной политики

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

доходов стимулировались присутствующим среди реформаторов убеждением в том, что именно советские милитаризованная промышленность и иждивенчески настроенное сельское хозяйство являются основными политическими противниками изменения форм собственности и замещения системы административного управления рыночными институтами и новым внутрифирменным управлением. Российская либеральная политика в экономике выбрала самый радикальный способ преодоления структурной несбалансированности воспроизводственного контура - она пошла по пути разрушения "нереформируемой экономики", другими словами, обнулила счетчик.

Желание в один присест покончить со старой хозяйственно-политической системой диктовало акцент реформаторских усилий и особый подход к перераспределению доходной базы в национальной экономике. С одной стороны, речь шла об отчуждении в пользу "новой экономики", в первую очередь, той части хозяйственных объектов, которая могла обеспечить наиболее высокую доходность без серьезных капиталовложений (что при иной политике обеспечило бы стабильные и высокие поступления в государственную казну). В то время полагали, что решая свои задачи, предприниматели не только построят прочную базу для своего собственного существования, но и заложат основу, которая сможет стать фундаментом и стимулом для развития остальных секторов национальной экономики. С другой стороны, банкротство как экономическое явление, как состоявшийся факт, касающийся, в первую очередь, старорежимных предприятий, выдвинулось на передний фронт реформаторской риторики.

И еще один характерный штрих к политике экономического радикализма. Ни образ, ни методу создания этих новых собственников никто не планировал в лабораториях научной мысли, не творил их будущего по чертежам, согласно продуманным проектам. Речь шла об *инициации* такого процесса, в который были бы автоматически, стихийно вовлечены некоторые из действующих негосударственных или псевдогосударственных агентов с тем, чтобы через участие в этом процессе они приобрели необходимые навыки и сформировали определенные структуры. (Прием "learning-by-doing" - обучение в процессе исполнения.) Новые структуры впоследствии могли бы составить основу для решения задач общехозяйственной модернизации - более серьезных по своим масштабам, по капитальным вложениям и пр., нежели от них требовал процесс, в котором соответствующие институты должны были зародиться и сформироваться. Последняя оговорка важна, поскольку "раскрепощение предпринимательской инициативы" в условиях высокой концентрации промышленного и сельскохозяйственного производства могло происходить только за счет индивидуального и мелкого предпринимательства. Так что изначально правомерен был вопрос: что эти новые агенты будут и смогут делать с отечественной промышленностью, когда та востребует соответствующей активности?

Очевидная спешка политиков, отсутствие четкого понимания того, чем надо заниматься - радикальным разрушением старого или его преобразованием в нечто новое, желание использовать фактор внешней помощи реформ в политической борьбе с "промышленным" и "аграрным" лобби и ряд других моментов, - все это заставило российских реформаторов, утвердившихся в новом правительстве, обратить внимание на те сферы хозяйственной деятельности, где влияние указанных сил было минимальным. В этих сферах за короткий срок могли формироваться новые центры экономического влияния, подрывая одновременно политический вес традиционного экономического эстеблишмента. С конца 1991 года экономическим содержанием радикальных экономических реформ стал вполне логичный акцент на развитии торгово-посреднической деятельности, либерализацию внешней торговли и форсированное создание коммерческого финансового сектора. Отождествление

же вопросов поддержания реального сектора с поддержкой наиболее влиятельной силы антиреформаторского лагеря толкало российских лидеров на путь превращения государственной экономики в банкрот.

Чтобы, понять, почему крутой крен в торгово-посредническую деятельность оказался возможным, и почему он должен был рано или поздно привести к провалу замысла о создании новой устойчивой экономики частных предпринимателей, следует обратить внимание на специфическую структуру относительных цен, которая десятилетиями поддерживалась на внутрисоюзных рынках. В той ситуации рублевый курс к доллару мог быть занижен по объективным причинам - пока новые экспортеры имели возможность предлагать запасы товаров, доставшиеся им от государства по существу задаром, не считаясь с издержками воспроизводства.

Следует вспомнить, что традиционная советская ценовая система в своей перераспределительной функции опиралась на два фундаментальных обстоятельства: существенное завышение розничных цен в потребительском секторе и заниженность оптовых цен на продукцию производственно-технического назначения. Иначе говоря, внутри страны за пару ботинок можно было купить существенно больше цемента или мазута, чем на внешнем рынке. И напротив, вывозя тонну нефти за рубеж, экспортер имел возможность приобрести существенно более дешевую обувь (в общем говоря - товары широкого потребления). Если эту обувь ввозить в страну, то цепочка замыкается и начинает работать на перекачку сырья и капитальных товаров с их заниженной стоимостью за границу с обратным ввозом ширпотреба. На внутренних рынках происходит сдвиг экономических ресурсов в область текущего потребления, отвлекая финансовые и материальные ресурсы от предприятий реального сектора, обеспечивающую высокую рентабельность операций, содействующий созданию новых хозяйственных агентов, набирающих свои капиталы на торгово-посреднической деятельности, а также замещению в автоматическом порядке официального "завышенного курса рубля", на "реальный" коммерческий.

Значение этих процессов станет еще более явным, если принять во внимание, что еще до распада СССР центральная власть уже не могла обеспечивать эффективный контроль за разницей в ценах и перераспределять поступления между секторами. Причиной тому служило самоустранение государства от двух ключевых функций: от контроля за ценами на продаваемые импортные товары и от сколь угодно эффективной системы налогообложения прибылей у слабо организованных агентов внешнеэкономической деятельности. Принудительное устранение этого агента, равно как и самоустранение, объективно предоставляло указанные ресурсные потоки в руки новым хозяйственным субъектам. Тем самым для последних создавались беспрецедентные возможности фантастического обогащения с минимальным начальным капиталом, а то и без него. Следует, пожалуй, добавить еще и третье обстоятельство, состоящее в результатах бесславно завершившейся антиалкогольной компании, итогом которой стал паралич одного из крупнейших источников акцизных поступлений в госбюджет. Эти доходы фактически были исключены из официальной экономики, а соответствующие деньги населения ушли в теневой сектор. Получилось так, что государственные органы передали этот мощнейший источник доходов вновь образуемому частному сектору, подорвав собственную экономическую базу, не позаботившись о действенном контроле за доходами новых предпринимателей. Рекордно короткие сроки оборачиваемости, исключительно высокая рентабельность, отсутствие налогового и прочего контроля создали для новых предпринимателей совершенно особую по своей выгодности ситуацию. Не воспользоваться ее возможностями для новых владельцев экспортного товара было бы неразумно.viii

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

С другой же стороны, при такой политике государство лишалось традиционного контроля за перераспределением средств в народном хозяйстве, игравшем важнейшую роль в поддержании целостности всей хозяйственно-политической системы. Из-за этого страдали отрасли и регионы, которым в советское время принято было давать, и выигрывали те, у кого обычно "забирали". Рано или поздно такая практика должна была сформировать новую экономическую платформу для политиков регионального масштаба и Центра.

Схема работала следующим образом: снятие внешнеторговой монополии и устранение государства от контроля за доходами и конверсией валюты на внутренних рынках привела к быстрому увеличению доли средств, скопившихся на руках у новых субъектов внешнеэкономической деятельности. При том, что полученным средствам был предоставлен шанс легко и, по существу, бесконтрольно перемещаться между секторами, они были направлены на рынок потребительских товаров и услуг, а более точно - на товарный импорт. Горячие деньги, делающие русских нуворишей, которые, по сути дела, только и можно было потратить на товарные запасы, вызвали крупный сдвиг в структуре использования экономических ресурсов в сторону текущего потребления.

Как следствие самоустранения государства - крупнейшего альтернативного претендента на доходы в новой экономике, - и в результате такого организационно-технического сдвига в руках у новых агентов оказался сектор доходной базы, который мог какое-то время увеличиваться в своем объеме как относительно, так и абсолютно, на фоне общего спада хозяйственной активности.

На одном из узких участков хозяйственной деятельности произошла концентрация огромных свободных денежных средств, ищущих применения в потребительской сфере хозяйства. Наплыв "дешевых денег" и готовность предприятий задаром отдавать свои товарные запасы в обмен на ходкий ширпотреб позволили курсу национальной валюты снизиться в десятки раз за какие-нибудь полтора-два года. Но в данном случае перед нами пример, когда деньги оказываются "лишними" или "дешевыми" не в экономике вообще, как кому-то хотелось об этом думать, а в отдельном секторе экономического пространства. За счет такой концентрации, что в него стекаются наиболее ликвидные финансовые и материальные ресурсы из других секторов, несмотря на вызываемое этим нарушение воспроизводственных пропорций. То, что в 1986-1988 году дешево досталось госпредприятиям через инвестиционный бум "ускорения", теперь столь же дешево перешло в руки "новых предпринимателей". Это был особый рода "инфляционный навес" в сфере торговых спекуляций на потребительском рынке.

Одновременно был заложен мощный фактор обесценения основных фондов в отраслях, лишившихся сбыта. Как ни странно, но это еще более подтолкнуло торгово-посредническую деятельность, поскольку искусственно занижало издержки на экспортируемую продукцию. Проблема износа игнорировалась, но она поджидала экономику и тех, кто делал на ней "хорошие деньги", на той стадии, когда фонды придут в полную негодность, и встанет вопрос об их замене.

Новый курс рубля к доллару и новые относительные цены на внутреннем рынке формировались в обстановке форсированного свертывания инвестиционных программ, распада системы государственного контроля за финансовой сферой, наконец, когда в экономике просто не существовало рыночных цен на основные производственные факторы, недвижимость, землю, недра и ряд др. Так что, строго говоря, проблемой являлась правомерность переноса последствий этого явления на оставшуюся экономику в текущем периоде, а также концептуализация этих последствий в качестве исходных пунктов долгосрочной стратегии государства.

К концу 1993 года вывоз на экспорт "излишков" привел к тому, что "тяжелая" часть экономики здорово похудела, ее бесхозные экспортно-пригодные ресурсы закончились, госбюджет и предприятия прекратили производственные инвестиции, и "экономия" пошла уже на эксплуатационных расходах. Стало совершенно ясно, что экономическая деградация быстро подойдет к своему логическому завершению.

Логика радикализации рыночных реформ, прежде всего остального, имела тот коренной недостаток, что преобразования хозяйственной системы решено было начинать не с реального сектора, не с производства, а со сферы перераспределения (на что толкала логика развития политической ситуации). Не порождение новых источников доходов, а передача последних из одних рук, рук старой экономики, в другие - в руки новых предпринимательских структур - стала определять экономическую политику реформаторов в России.

Идеология и институты перераспределения стали полигоном для формирования нового типа собственника и новых институтов, рассчитанных на поддержку нового рыночного типа экономического поведения. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы уразуметь, что при такой постановке дела сценарий дальнейших событий описывался способностью новой экономики поддерживать эффективность источников доходов, полученных за счет отмирающей традиционной экономики, и самостоятельно создавать собственную базу устойчивого воспроизводства.

Мог ли такой сценарий осуществиться? Представляется, что нет. Причина - акцент на сбытовую и посредническую деятельность с ее высокими спекулятивными прибылями, предвкушение которых стимулировалось самоустранением государства от контроля за доходами, вольно или невольно искусственно завышал планку оптимистических ожиданий предпринимателей. У них формировались неадекватные представления о показателях рентабельности, издержках, оборачиваемости, ликвидности, характере контрактных отношений, инвестиционной деятельности и пр. Накопление новых капиталов создавало лишь организационные структуры для продолжения хищнической эксплуатации ранее созданных высоколиквидных ресурсов. Теперь, по прошествии нескольких лет, став фактом, эта установка сама превратилась в труднопреодолимое препятствие для перехода к приемам экономического поведения, необходимого для работы с реальным сектором. Так что, смотря через призму задач экономической модернизации, курс радикального экономического реформизма несет на себе основную ответственность за формирование ложных ориентиров, касающихся способов частного зарабатывания и ведения экономического процесса в масштабах страны в целом.

Ошибочность выбранного курса стала ясна не сразу. Представления о достаточности ресурсов диктовались тем, что сбрасываемая загрузка производственных мощностей позволяла направлять дополнительные ресурсы в текущее потребление и на экспорт, без их допроизводства. Кроме того, промышленность требовала относительно меньших затрат на поддержание мощностей.

Сохранение предложения по низким ценам становилось невозможным с учетом запасов и приходящим в негодность производством. Даже простое поддержание объема вывоза предполагало все возрастающие объемы производственных капиталных вложений. Превысивший режим экспортной деятельности, проводившийся *за счет* производства, начал душить сам себя. На фоне трехзначной рентабельности экспортно-импортных операций 1991-1992 гг. представлявшаяся вечной бесплатностью внутреннего производства, поставлявшего на экспорт товары и услуги, таяла, как пустынный мираж. Рост неудовлетворенных потребностей в затратах на восстановление быстро изнашивающихся мощностей объективно создавал ситуа-

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

цию, в которой по прошествии известного времени должен был состояться переход к необходимости резкого роста объемов импорта техники и материалов.

Однако, учитывая соотношение цен на вывозимое сырье, с одной стороны, и на необходимое технологическое оборудование, поступающее по импорту, с другой стороны, такой сдвиг в структуре импорта с ширпотребом на капитальные товары требовал, чтобы на единицу стоимости вывозимой продукции произошло повышение стоимости импорта. В ином случае, при прочих равных, оказалось бы невозможно поддерживать ранее сложившиеся потребности в импортных товарах.

Особо надо отметить способность коммерческих финансовых институтов взяться за инвестирование промышленности. Относительная задержка в росте цен на капитальные товары при замороженном инвестиционном процессе, которая наблюдалась на протяжении примерно пяти лет, не могла не сказаться на соразмерности их свободных капиталов задачам индустриальной модернизации. Эти средства копились за счет и в ущерб накоплениям в реальном секторе. В результате та их часть, которую новые институты могли бы выделить для производственных нужд, не позволяет ни наладить собственного производства, ни обеспечить закупки по импорту.

Макроструктура экономических приоритетов объективно сдвинулась в направлении задач восстановления разрушающейся промышленности - инвестиций во все более деградирующее производство.

Точно так же, как двумя годами раньше, с 1992 г., несмотря на снижающуюся платежеспособность внутренних потребителей нефти и газа (а по сути дела именно благодаря этому), цены на них резко пошли вверх, с июня 1994 года мы сталкиваемся с очередным "парадоксом" российских реформ: при распаде внутреннего рынка промышленных капитальных товаров на них начинается устойчивый рост цен. Этот рост никак не связан с возрастающей платежеспособностью и ожиданиями роста выпуска у промышленных предприятий. Напротив, их финансовые возможности находятся в предельно тяжелом состоянии. Объяснение заключено во все том же разделении факторов ценовой динамики на внешние и внутренние, которое было заложено радикальными реформаторами с момента либерализации внешнеторговой деятельности. Попросту говоря, государство, лишив предприятия оборотных средств и инвестиций, предложило им соревноваться за сырье и энергию с западноевропейскими и американскими фирмами. В результате, в то время как цены на готовую продукцию промышленности (числитель) определялись все более ухудшающимся финансовым состоянием предприятий-потребителей на внутренних рынках, цены на сырье и материалы, которые необходимы для получения готовой продукции (знаменатель), определялись конъюнктурой спроса на благополучных внешних рынках и последовательным курсом на сближение внутренних и "мировых цен".

Едва ли сохранив собственный потенциал инвестиционных технологий, Россия добровольно задала себе масштаб внутренних цен на основные производственные факторы, которые в ряде случаев уже оказались выше тех, что за них готовы платить вполне преуспевающие по мировым меркам западные страны!^х Реформы с 1992 по 1994 годы закрепили институциональный разрыв добывающего и обрабатывающего секторов экономики, лишили перерабатывающие предприятия каких-либо условий для адаптации к новой системе цен. Немаловажным результатом чего стало то, что промышленное лобби оказалось обреченным на крайние политические меры в борьбе за свое выживание.

И впрямь, решая задачи поддержания производства за счет фактического игнорирования амортизации и инвестиций, реальный сектор к 1995 году объективно встал перед потребностью в несоразмерно больших единовременных вложениях,

без чего неминуем его тотальный обвал. Нужда в деньгах на одновременные затраты стала больше еще и потому, что за годы потребительскою бума удельная стоимость работ в промышленности и в сельском хозяйстве существенно выросла вместе со стоимостью труда, энергии и сырья. Но с кардинальным изменением цен на капитальные товары на месте старых государственных механизмов инвестиционной деятельности не сложилось новых, приспособленных к новым контрактным взаимоотношениям и к новым ценам. Длительные (до одного года) кредиты крупных коммерческих банков р 1994 году составляли 1-2% от их общего объема. Инвестиции же за счет государственного бюджета упали до уровня, который с горем пополам позволяет вводить в строй ежегодно несколько десятков объектов, а осваивать мощности - буквально на единицах (Не приходится много говорить, что каких-либо радикальных перемен в протяженности промышленного инвестиционного цикла в России не произошло). "Обновление", если бы таковое планировалось, должно теперь происходить в условиях, когда все затратнообразующие факторы в хозяйстве многократно выросли в цене и практически вышли на уровень мировых цен, хотя страна не стала богаче и никак не улучшила своих стартовых условий для структурно-технологической модернизации: в стране отсутствуют современные технологии необходимые для создания соответствующих фондов; по существу отсутствуют свободные капиталы, которые могли бы покрыть предстоящие одновременные затраты; утрачены внутренние и внешние рынки, за счет которых возможно было бы вернуть инвестиционные издержки.

Но объективно требуемый сдвиг предпочтений в сторону накоплений, вызывая попытки привести цены на производственные фонды в соответствии с их восстановительной стоимостью, способен вызвать крайне неприятный эффект: он обесценивает свободные капиталы, имеющиеся у предпринимателей, угрожает существенным замедлением кругооборота, а, следовательно, блокирует денежную приватизацию - эту альфа и омега радикального рыночного реформизма. Кроме того, произведя такую переоценку, мы в итоге приходим к обнаружению того факта, что страна целиком и полностью лишилась способностей к самостоятельному воспроизводству основного капитала.

И здесь мы видим очередную парадокс - в нарушение всякой здоровой логики, реформаторы во имя рынка отстаивают такие цены, по которым в действительности никакое индустриальное воспроизводство не возможно. Зато одновременно всеми правдами и неправдами стремятся передать собственность предприятий "эффективным собственникам". Однако какой смысл переключать заведомо нерешаемую задачу с одних плеч на другие, если суть проблемы при этом остается прежней? Разве не ясно, что если предприятие перестанет существовать из-за отсутствия возможности поддерживать мощности, то оно не принесет выгоды ни "старым директорам", ни новым частным хозяевам? Подходящим выглядит только один ответ: никого в действительности не интересует воспроизводство капитала. Задача его поддержания и модернизации под невнятное заклинание о превосходстве частной собственности над государственной приносится в жертву идеологии созидания "рыночных институтов" любой ценой. Так что результатом очередного "второго этапа приватизации" будет продолжение передачи титулов собственности, как и на этапе ваучерной приватизации, но только не задаром, а за деньги. Создание же собственника-инвестора откладывается на неопределенно длительный срок.

Следование советам тех экспертов, которые подталкивают к "естественному" продолжению падения стоимости рубля к доллару на уровень 8000 и 10000 тыс. рублей за один доллар, не решая указанной структурно-функциональной проблемы, позволяет лишь еще на какое-то время отвлечься от нужд воспроизводства

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

промышленных мощностей, не создав никаких условий для выхода из этой тупиковой ситуации. Допродадим остатки и прождем в текущем потреблении дополнительные доходы, чтобы экономически скончаться, не растягивая агонию.

Но, отстаивая противоположную точку зрения, нельзя не видеть, что вся нагрузка программы модернизации в новых условиях легла бы на доходы от экспорта сырья и энергии, за счет которых понадобилось бы закупать не столько ширпотреб, сколько оборудование и материалы для восстановления самого производства. При этом, однако, пришлось бы считаться с тем, что большая часть имеющихся доходов от экспорта идет в текущее потребление и на поддержание объемов экспорта, а поэтому их отвлечение на нужды накопления угрожает снижением на длительный срок потребительского стандарта. В 1994 году более 80% стоимости экспорта составлял экспорт сырьевых товаров, а в импорте 2/3 приходилось на продовольствие и другие товары потребительского назначения. Помимо этого следует напомнить, что основные макроэкономические показатели в течение ряда лет формировались под пропорции текущего платежного баланса, важнейший элемент которого - торговый баланс - характеризовался неадекватно низким удельным весом закупок капитальных товаров. Необходимое же в новых условиях увеличение последнего на два-три порядка, при том, конечно, что страна изберет путь структурно-технологической модернизации за счет импорта, - помимо уже указанного выше следствия, ведет к очевидному выводу о несоразмерности имеющихся экспортных способностей страны задачам массивных закупок капитальных товаров. Так что для объяснения феномена нарастающего обрушения промышленной структуры придется прибегнуть к тезису о "чрезмерной индустриализованности" экономики России.

Развитие воспроизводственного кризиса в результате рыночных преобразований не только не замедлилось, но и еще более усугубилось, лишив страну последних резервов, пригодных для его преодоления. Государственные структуры как главный экономический агент с 1985 по 1995 гг. допустило (если не сказать поощряло) прогрессивное сужение экономического основания, которое могло поддерживать пирамиду народнохозяйственного комплекса. На протяжении всего указанного периода тяжелые сектора прогрессивно утрачивали задел из ресурсов, образуемых короткими циклами обращения. Государство не смогло позаботиться о переводе бремени длительных экономических циклов на внешние рынки, ему не удалось сократить протяженность хозяйственных циклов, замкнутых на внутренние рынки. Сверх того, оно добровольно рассталось с традиционными источниками доходов, позволявшим обеспечивать оперативный маневр финансовыми и материальными ресурсами, поддерживавший необходимую целостность конструкции народнохозяйственного комплекса.

Сегодня, в 1995 году, период экономического радикализма объективно завершился с исчерпанием предпосылок у идеологии и экономики перераспределения.

Цели, сформулированные идеологами радикального реформизма на первом этапе, были выполнены, фактически, только в отношении свертывания "избыточной" активности в традиционной экономике.^{х1} Новая предпринимательская экономика оказалась всего лишь фазой распада экономики государственной.

Сегодня уже не у кого не может вызывать сомнений, что подобная установка была откровенно авантюрной. Говорилось: "Научим людей торговать, научатся и производить". Не получилось. Оказалось, что некоторое время действительно можно выгодно торговать, не занимаясь производством. Все что можно было легко

продать - продано, а вот товаропроизводителя из новых торговых агентов не вышло.

Теперь остается утешать себя тем, что обрушающиеся части строения национальной экономики: ее отрасли, регионы, целые сектора - есть воплощения зла экономической нерациональности, доставшиеся от прежнего советского строя. Однако, на сегодняшний день это уже такой самообман, в который не верят даже говорящие.

Что касается пункта программы радикальных реформ, который предполагал создание эффективного собственника, действующего по законам рынка, то цель была достигнута лишь в том смысле, что у государства была отобрана собственность. Ее хозяевами стало токовище из нескольких миллионов новых собственников, действующих на свой страх и риск в предельно разреженной правовой атмосфере. Перераспределив бывшие государственными богатства вне какого-либо ясного экономического критерия, новые социальные группы не могут по-настоящему легализовать результаты передела. В спорных ситуациях им крайне трудно прибегать к закону, ибо полученное ими - результат, по крайней мере, незаконной деятельности. Остается решать конфликты с применением грубой силы, физического принуждения или (однако, одно другому не мешает) рядить свои частные интересы в интересы государства, лишая конкурентов пространства для Общественного маневра. Но, не зафиксировав в стабильном законодательстве и не придав результатам дележа социальной легитимации, не возможно создать устойчивых экономических агентов, способных внятно заявлять свои интересы и элементарно отвечать за свои действия. Разрушив традиционную советскую экономику, реформаторы провалили создание экономики предпринимательской, опирающейся на определенный круг новых экономических субъектов, признаваемых общественным мнением и правом, сектора, работающего на собственном устойчивом фундаменте, а не кормящегося продуктами распада государственной экономики.

В конце 1994 г. Россия подошла к такому состоянию, когда эйфория новых частников от быстрого обогащения и только было наладившейся хозяйственной машины, обслуживавшей зарабатывание капиталов на товарных спекуляциях, на глазах улетучивается с поражающей их самих скоростью. Полученные богатства надо сохранять и приумножать, но как это делать в нынешней обстановке новые хозяева не знают. Сектор внешнеторговых операций как источник роста российского предпринимательства исчерпал свой потенциал, с точки зрения порождения новых российских предпринимателей. Рентабельность флагмана сырьевых отраслей - нефтедобычи, - сократилась до 9-11%. Чтобы увидеть другие признаки этого, достаточно почитать статьи о состоянии дел у лидера среди институтов новой экономики - учреждений сферы коммерческого банковского дела, среди которых, как сообщается, удельный вес потенциальных банкротов достигает 30% от 2.5 тыс. зарегистрированных коммерческих банков.^{xii} При том, что в крайне тяжелом положении оказываются даже банки, составляющие первую сотню. Не говоря уже о плачевной участи российских "товарно-сырьевых бирж", выросших на продаже предприятиями запасов, их стремлении уйти от налогов и максимизировать возможности обналичивания денег.

В общем, сужающаяся доходная база стала характерной не только для государственного сектора хозяйства, о неизлечимой болезни которой любили поговорить начинающие российские реформаторы, но и для новой предпринимательской экономики в России. С точки зрения имеющейся структуры хозяйственной деятельности и способностей к ее радикальным переменам, среднесрочная перспектива укрепления доходной базы у этого сектора просматривается слабо.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

За десять лет перестройки и экономического радикализма в хозяйственной политике были совершены все ошибки, которые можно было совершить и которые сделали невозможным существование СССР и России как целостных независимых государств.

1. Экономическая политика в решающие моменты выбора курса опиралась на параллельные структуры власти, выстроенные на конфликтующих парадигмах легитимации.

2. Принятие критически важных для общества решений было сведено к узкому кругу лиц (команды), получающей легитимацию от одной политической фигуры (Президент).

3. Разрушено внешнеполитическое пространство страны, лишившее его внешних рынков, средств надлежащей защиты национальных производителей и необходимого статуса в международных организациях.

4. Повышение радикальности решений, принимаемых верхом, на фоне ослабления бюрократической машины, обеспечивающей их исполнение и выступающей каналом обратной связи. Лишенные этих условий решения порождают конфликтные импульсы, последующие решения не принимают в расчет исполнения предыдущих и т.п. Решения властей становятся источником дестабилизации в системе в целом и оснований, на которых покоится сама властная пирамида.^{xiii}

5. Было допущено противопоставление друг другу крупнейших секторов экономики по политическим мотивам (развитие одного за счет и в ущерб другому), как результат - внесение в мотивы экономической политики новых антагонизмов.

6. Растрчена впустую наиболее ликвидная часть запасов, лишившая систему управления свободы маневра.

7. Государство отказалось от институтов, выполнявших в прежние времена перераспределительную функцию в структуре национальной экономики, что обрекло целые сектора и регионы на полное разрушение без шансов на модернизацию и конверсию мощностей.

8. Внешние заимствования более чем в 20 раз увеличили за десять лет внешний долг, а обвальное падение стоимости национальной валюты по отношению к доллару еще более усилило относительную задолженность страны.

9. Удешевление национальной валюты кардинально понизило залоговую стоимость воспроизводимого и невоспроизводимого национального богатства, а вместе с этим и кредитоспособность страны.

10. Необоснованно резко оказался сокращен доступ граждан России к национальному богатству, с перераспределением преимуществ при принятии хозяйственных решений в пользу держателей иностранной валюты.

11. Произошел неправомерный перенос ценообразующих факторов с внутренних рынков на внешние, повысившие уязвимость всей системы национальной безопасности.

12. Радикальные преобразования стимулировали откровенно хищническую эксплуатацию экономических ресурсов страны, на протяжении нескольких последних лет сопровождающуюся вывозом за рубеж отечественных капиталов, объем которых в десятки раз превышает иностранные инвестиции в Россию и оказываемую ей помощь.

Этими "достижениями" Россия по существу завершает очередной этап преобразований воспроизводственного механизма, и в 1995 году начинается новый этап. Очередной этап общесистемного кризиса воспроизводственной базы к 1995 году выразился в прекращении роста воспроизводимого национального богатства и в обвальном снижении ликвидности национального богатства. Неподготовленность рыночных институтов, выросших на торгово-посреднической деятельности,

МИР РОССИИ. 1995. №2

к решению этой весьма специфической задачи составляет, на наш взгляд, основную проблему институциональных преобразований в экономике и в государственном устройстве России.

С этой точки зрения, предшествующий этап можно охарактеризовать как процесс опережающего расходования наиболее ликвидной части богатства по отношению к становлению институтов, обеспечивающих регулирование ликвидности средств, вовлеченных в хозяйственный оборот, в соответствии с критериями устойчивого расширенного воспроизводства. Результатом явился разрыв между возможностями институтов новой экономики и задачами использования новых элементов национального богатства страны, перемещающихся в центр экономической проблематики. Неразрешенность этого конфликта грозит поставить под вопрос не только состоявшееся обогащение социальных слоев в обществе, до сих пор не получившее должной общественной легитимации, но и имеющиеся, пускай слабые, реальные положительные результаты рыночных преобразований.

Исходные пункты нового этапа - это отсутствие "эффективного собственника" в реальном секторе, отсутствие свободных капиталов, подавленный спрос, катастрофический износ мощностей. И, тем не менее, это начало этапа, на котором есть надежда на исправление тенденции распада. Саму возможность говорить о новой стадии в экономической динамике обеспечивает то обстоятельство, что за прошедшие десять лет в хозяйственный оборот по разным причинам так и не были вовлечены крупные блоки национального богатства. Среди них ресурсы недропользования, земля, недвижимость и объекты интеллектуальной собственности. Однако взять эти ресурсы в хозяйственный оборот совсем непросто. Чтобы опереться на их потенциал, понадобится самым серьезным образом пересмотреть рамочные условия хозяйственно-политической динамики в стране и на сопредельных территориях, составляющих пространство экономической устойчивости России.

Главными чертами наступающего нового этапа экономических преобразований в России является две конфликтующие друг с другом характеристики - катастрофическое обесценение капитала за черту простого воспроизводства и утрата кредитных ресурсов, как по линии внутренних сбережений, так и в части беспрецедентного снижения международной кредитоспособности России. Чтобы свободные капиталы собственных предпринимателей могли заработать в реальном секторе капиталоемкость проектов должна быть как можно ниже, ибо иначе тем же коммерческим банкам просто не под силу будет преодолеть даже стартовый рубеж. С другой стороны, затраты необходимые для модернизации и расширения мощностей - вещь объективно predeterminedенная и ее нельзя устанавливать произвольно. Учитывая общую потребность в переоценке фондов в сторону повышения их стоимости, придется признать, что и без того небольшие свободные капиталы превращаются едва заметный фактор экономической динамики.

Примеряя к новым задачам основные параметры текущей экономической ситуации в России, как мы их знаем на сегодняшний день, можно утверждать, что последние выражают экономические условия, которые либо прямо противоречили задачам, ставшим сегодня актуальными, либо стали такими, как есть, в результате их прямого игнорирования. Страна загнала себя в экономическую ловушку, выхода из которой "здоровая экономическая логика", руководимая интересами сегодняшнего дня, обществу представить не в состоянии.^{XIV}

Параметры экономической среды, в которой мы вынуждены осмысливать происшедшее и строить будущий политический курс, складывались в

•обстоятельствах функциональной неполноты хозяйственного оборота (подавленность функций сбережений и накоплений) и работе производственных мощностей на износ;

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- ситуации зауженности базы у вновь сформированной денежной экономики, которая не включала в себя многих элементов национального богатства, занимающих важное место в любой "нормальной стране"^{xv};

- условиях аномального завышения потребительских стандартов за счет будущих периодов, влияющего на непомерное раздувание текущего потребления при общем спаде производства, диктующая искаженную систему базовых макроэкономических показателей.

На каком же основании в таком случае эти параметры должны применяться при решении задач восстановления реального сектора в экономике? Но если все это создает неблагоприятную среду, в условиях которой делать новую политику нельзя, то на что должны быть похожи те параметры, которые будут работать на возрождение отечественной индустрии? Какими методами осуществима их практическая реализация? Этот вывод по прошествии десяти лет с момента начала перестройки заставляет вновь задаться вопросом: каков должен быть тот набор институтов и начальные условия их функционирования, чтобы использовать все эти незадействованные до сегодняшнего дня ресурсы, одновременно восстанавливая пропорции нормального воспроизводственного цикла?

У наступающего этапа первым характерным моментом явится продолжавшийся все последнее десятилетие стратегический сдвиг хозяйственной активности от сферы обработки в направлении эксплуатации запасов природных ресурсов. Их потенциал политически должен рассматриваться как "стратегический залог" страны.

Их разработка связана с доступностью значительных свободных капиталов, которых в России с каждым годом становилось все меньше. Следовательно, такое направление действий властей связано с массивным привлечением иностранного капитала и использованием иностранных технологий и материалов. Однако такой курс еще больше закрепляет оторванность отечественных производителей инвестиционного оборудования от секторов привлекательных для инвестиций.

Помимо этого, использование экономического потенциала природных ресурсов, разрабатываемых в интересах всей экономики, предполагает массивное *перераспределение эффектов* между различными регионами и отраслями, во-первых, и отвлечение доходов на нужды производственных инвестиций, а не на текущее потребление, во-вторых.

Решение первой задачи связано с устойчивым правовым статусом того органа власти, на который будет возложена задача перераспределения. Решение же второй - с доверием к власти, идущей на сознательное распределение бремени снижения объемов текущего потребления среди различных социальных слоев. Поддержание такого режима крайне затрудняется, учитывая возможности центральной власти и амбиции региональных лидеров.

Вторым важнейшим обстоятельством служит развитие *новых "естественных"* факторов дезинтеграции и деиндустриализации - рост транспортных тарифов. Рынок России разрывается на региональные куски, усиливая влияние местных властей, подогревая их амбиции в борьбе за иностранные инвестиции, а также подрывая перспективу инвестиций в любое сложное производство, связанное с массовой транспортировкой сырья и готовой продукции. Последнее означает, что наряду с ослаблением возможностей получения свободных средств для развития индустриально развитых районов европейской части России и Урала, "естественным" путем разрушается и перспектива выживания потенциальных объектов вложения - предприятий переработки.

Третьей характерной чертой наступающего этапа будет продолжающийся конфликт между политикой выживания российского внутреннего рынка как целого

МИР1ЮССИИ. 1995. №2

и либеральной риторикой политического эстеблишмента. По существу, предопределенная на несколько лет вперед перспектива раздробления рынков по экономическим причинам (первая фаза фрагментации экономического пространства имела скорее политический характер, будучи связана с известным "парадом суверенитетов") с новой силой ставит вопрос о судьбе "избыточной концентрации" промышленного производства, "чрезмерной индустриализации" и новой политики демонополизации (с прямым участием внешних крупных капиталов). Поэтому точка зрения, противостоящая деиндустриализации, раздроблению экономического пространства и утрате единого координирующего начала в российском экономическом пространстве, неизбежно становится в оппозицию либерально-рыночной доктрине.

Четвертой особенностью ближайшего будущего России станет то, что национальная экономическая программа будет строиться на признании факта более низкого потребительского и технологического стандарта, а с другой стороны, безусловной приоритетности механизмов сбережения и прогрессирующей модернизации промышленных технологий и др.

Человек не может быть передовым потребителем, оставаясь несовершенным производителем. Потребительский стандарт в России и других странах СНГ еще долгое время будет ниже, чем в Европе и США. Губить свою промышленность из-за того, что она не обеспечивает соответствующих потребительских притязаний не стоит. Между качеством производства и потребления должно выдерживаться соответствие, позволяющее наращивать уровень производства, а вместе с ним и качество потребления.^{xvi} Условия для прогрессивной модернизации промышленности и аграрного сектора можно и должно создавать, грамотно используя имеющийся производственный потенциал, сохраняя социально-экономическое равновесие в обществе.

Мало кому среди практиков сегодня придется доказывать, что институты, сформированные на торгово-посреднических операциях и на операциях, обслуживавших их, не могут адресоваться к потребностям реального сектора экономики на новом этапе, к вопросам использования национального богатства в рамках общегосударственной политики экономического развития. Они не готовы ни методически, ни в кадровом отношении, а главное, без чего дело не двигается с места, - у них нет достаточных свободных денег для того, чтобы активизировать эти ресурсы. В целом, отсутствует рыночная инфраструктура, которая позволила бы эффективно использовать, допустим, инструменты рынка ценных бумаг, для повышения ликвидности перечисленных ресурсов (хотя бы в части залога недвижимости для привлечения свободных денежных средств, необходимых предприятиям для модернизации).

Сформировав свои институты на распаде старой экономики, новая предпринимательская экономика погибнет вместе с ней. Так будет, если она не сможет создать собственную доходную базу, участвуя вместе с государством с развитием институциональной инфраструктуры, позволяющей наращивать капитал в производстве. Чтобы сделать это придется преодолеть несколько общих недостатков экономической ситуации, с точки зрения способности использования низколиквидных элементов национального богатства, можно назвать:

- отсутствие свободных капиталов;
- до предела искаженную систему относительных цен на готовую продукцию и основные затратнообразующие факторы (в соответствии с которыми эти элементы богатства могут вовлекаться в хозяйственный оборот, имея в виду в данном случае то, что на сегодня самое важное - кредитоемкость ресурсов)TM;

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- наличие во внутривозвращаемом обороте колоссальных нерегулируемых, а зачастую просто криминальных каналов перераспределения национального богатства, что не позволяет включить их в рамки общей программы согласованных мероприятий^{xviii};

- особая роль неустойчивости и внутренней противоречивости во взаимоотношениях центральной (федеральной) власти и субъектов федерации (регионов)^{xix}.

От решения всех этих четырех вопросов будет зависеть, сумеет ли Россия преодолеть "хищнический" тип экономического развития и использовать свою последнюю надежду - недра, этот "стратегический залог" страны, для стабилизации доходной базы и создания условий для формирования экономики центрального типа.^{xx}

Выход заключен в смещении фокуса внимания наиболее жизнеспособных государственных и предпринимательских структур на проблемы эффективного управления промышленным потенциалом, остающимся в стране, и активной межгосударственной политики, выстроенной под задачу поиска устойчивых дополнительных рынков.

Есть достаточное число стран, где шьют хорошую и дешевую обувь, рубашки, дубленки и пр., но при этом нуждаются в машиностроительном и сельскохозяйственном оборудовании среднего технологического уровня, минеральном сырье, военной технике и т.п. Именно среди них России следует искать себе естественных союзников. Для Северной Америки и Европы экономика России не обладает той дополнителемностью, которая позволяет ей развивать отрасли обрабатывающего сектора. Напротив, многие годы и по сегодняшний день Россия представляла собой одного из главных конкурентов.

В этих двух пунктах - повышение эффективности государственной собственности и дополнительные рынки, - заключен выход из концептуального тупика, в котором оказалась нынешняя экономическая доктрина реформ, вращающаяся в кругу понятий денежно-кредитной эмиссии и инфляции.

В случае неспособности преодолеть эти трудности у представителей предпринимательской экономики оказывается, по сути дела, два варианта дальнейшего поведения: собрать пожитки и убыть для прохождения жизненного пути по месту хранения личных капиталов, либо включиться в совместную с государством работу по кардинальному и комплексному изменению экономико-политической среды, позволяющей наладить взаимодействие с промышленными и с сельскохозяйственными предприятиями в том виде, как они существуют на сегодняшний день.

При этом хозяйствующие субъекты будут сталкиваться с новыми проблемами, с которыми они не встречались или, точнее, о которых они могли позволить себе не думать на протяжении нескольких лет. Разница же в типах хозяйственной деятельности в этих двух секторах столь огромна, что даже наиболее эффективные институты из первой сферы не могут вырабатывать адекватной политики в отношении реального производства. Таким же образом, каким технология поиска владельца и вывоза продукции со склада отличается от полного цикла ее производства (включая научные исследования и опытно-конструкторские работы), различаются схемы рыночных операций и поддерживающих их специфических институтов.

Фундаментальным обстоятельством остается проблема величины и возможного характера использования имеющихся и потенциально доступных свободных финансовых ресурсов, включая внутренние и внешние источники. Дело в том, что финансовые нужды промышленности и сельского хозяйства многократно превышают возможности нового частного сектора. И новый частный сектор никак не

МИР РОССИИ. 1995. №2

адаптирован ни к новым срокам, ни к тем способам хозяйственной деятельности, которых требует от них участие в развитии промышленного производства. Начиная с того, что только-только стал развиваться институт залога, ипотеки. И дело не только в способности творчески применить вековой опыт, накопленный в других странах, но и самой способности оценить эти элементы реального богатства. По признанию специалистов ИКЦ "Земля и недвижимость" (БВ, №11, март 1995, с.7), использование недвижимости, в частности, земли, в качестве предмета залога, связано не с трудностями документального оформления сделки, а со способностью кредитора использовать в случае необходимости предмет залога по его прямому назначению - то есть превратить в деньги. С этим связано превышение предложения над спросом в этой области, при том, что данный случай является лишь частным отражением более общей тенденции к использованию в качестве залога относительно менее ликвидных ресурсов. В России 1995 года на сотню-другую идет

счет специалистов-оценщиков, оказывающих квалифицированные услуги по определению рыночной стоимости предприятий, как объектов инвестирования. В условиях высокой неопределенности конъюнктуры такие услуги оказываются особенно важными и, по сообщениям наблюдателей (см. публикации в Биржевых Ведомостях за 1994 и 1995 гг., в частности в №11 за март 1995, с.7) сегодня потребность в специалистах соответствующей квалификации исчисляется в 50 тыс. человек. В дополнение к сказанному, следует указать на сохраняющийся тугой узел проблем сертификации и интеллектуальной собственности, без разрешения которых сегодня немыслимы никакие серьезные инвестиционные проекты в промышленности.^{XXI} Не будучи в состоянии получить реальную цену за эти элементы национального богатства руководство России может повторить прежнюю ошибку радикал-демократов - раздать их за бесценок. Но это последний резерв страны и потому допустить такой шаг было бы губительно для самого выживания государства.

Кроме того, следует считаться с тем, что объектами вложений для новых предпринимателей в настоящее время являются, по большей части, не действующее производство, не предприятия, где трудовые коллективы задерживают зарплату на месяц-два, а производство с серьезно деградировавшим за последние годы трудовым и технологическим потенциалом. Большая часть затрат должна уйти первоначально на компенсацию этой деградации, на доведение его до работоспособного состояния. Сколько на это понадобится времени? Это оказывается еще одним серьезным стимулом к пересмотру всей идеологии экономической политики в России, поскольку ни квалификация рабочей силы, ни состояние объектов недвижимости, ни разработка природных ресурсов, не вовлеченных до сих пор в хозяйственный оборот, не являются объектами инвестирования с быстрым оборотом. Все это исключительно капиталоемкие и долгосрочные инвестиционные проекты. Ни навыков, ни институтов, ни отработанных процедур, ни капиталов, которые могли бы позволить эффективно включить эти элементы в работу, общество не имеет. Частный сектор таким потенциалом не располагает. Какие надежды, например, можно возлагать на систему коммерческих банков, если, по словам председателя думского комитета по экономической политике Сергея Глазьева, активы российских коммерческих банков *всех вместе взятых*, не превышают активы одного среднего японского банка? Что может делать с мировыми ценами на сырье и оборудование наше крупное промышленное предприятие, если его активы равны активам средней *западноевропейской* компании?

Нельзя не сказать о том, что на такой обширной территории, каковой является территория России, решение ни одного из вышеперечисленных стратегических вопросов не возможно достичь, не разрешив проблем взаимодействия центральной и региональной власти. Это тем более верно в то время, когда исключительно

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

большой акцент делается на использование природных ресурсов (недропользование) в качестве средства вывода экономики из прорыва.

Новый этап экономических преобразований в России должен базироваться на интенсивном диалоге субъектов власти, как в рамках собственно государственной власти, так и в части взаимодействия государственного и предпринимательского сектора в экономике на разных уровнях ее организации. Речь может идти только о долговременной политике тесного взаимодействия предпринимательских кругов с органами законодательной и исполнительной власти по созданию разнообразных экономико-правовых условий, содействующих долгосрочным инвестициям в структурную модернизацию Российской экономики. Как ни смотри, а свободные средства, сосредоточенные в негосударственном финансовом секторе по сравнению с ресурсами госбюджета более чем значительны. Поэтому они должны работать на главную проблему для страны в целом - индустриальную модернизацию. Но здесь есть две стороны: государство должно создать благоприятные условия для национальных предпринимателей, чтобы их капиталы наиболее эффективно обслуживали решение поставленной задачи, это с одной стороны, а с другой, сами финансовые структуры должны понять, что стратегия их устойчивости связана с развитием национального производства, а не с вывозом запасов и не с рентой от недропользования, которым будут заниматься иностранные фирмы.

Какие негосударственные институты в экономике нам нужны? Тезисно требования, предъявляемые к ним в соответствии с заявленной задачей, сведутся к следующим четырем положениям, характеризующих работу на рынках долгосрочного капитала:

1. институты, которые могут оценить новые для себя объекты вложений и перспективные источники доходов, соответствующие наблюдающимся крупным сдвигам в структуре хозяйственного оборота национального богатства;

2. институты, которые смогут обеспечить и поддержать высокий уровень ликвидности не только товарных запасов, но и новых для себя элементов недвижимого богатства, природных ресурсов и интеллектуального потенциала общества;

3. институты, у которых будет налажен тесный контакт и взаимный долгосрочный интерес с промышленностью;

4. институты, которые наладят долговременные процедуры взаимодействия с государственными структурами в выработке приоритетов общенациональной политики.

С разработкой такой программы действий должны быть связаны усилия, которые предстоит предпринять в ближайшем будущем центральному правительству самостоятельно, а также совместно с властями из регионов России.

Игнорирование внутренних противоречий, заложенных в системных свойствах механизма экономической устойчивости общества, и неспособность переломить объективно предопределенные структурные дисбалансы, обрекли на неудачу как реформаторов, так и их программы, недопустимо затянув решение действительно фундаментальных вопросов экономического выживания. Участники "форсированной демократизации, с точки зрения своих знаний и умений повлиять на происходящее, на деле оказались слишком и даже *недопустимо* частными. Прежде чем осознать это, интеллектуальной и политической элите пришлось переболеть болезнью политизации представителей различных научных дисциплин: экономических, политологических, социо-психологических и правовых. И все ради того, чтобы лишний раз убедиться: ни одна область научного знания не содержит в себе готовых и универсальных решений. Надо было 1) преодолеть гипертрофию са-

момнения экономистов, компенсировавших напором радикальных рецептов чувство профессиональной неполноценности, приобретенное в годы советской власти; 2) пережить антибюрократический угар "командной" работы "сплоченной группы профессионалов", ведущей себя в государственных (властных, силовых) институтах наперекор любым нормальным представлениям о процедуре легитимации государственных решений (ради того, чтобы, как им казалось, самым коротким путем прийти к намеченной цели); 3) написать с десятков проектов Конституций, чтобы осознать реальный политический вес бумажных деклараций в отсутствие истинного общественного согласия. Наконец, надо было прийти к мысли, что бесполезно кому бы то ни было рвать власть друг у друга, если такая власть скоротечна и беспринципна, - власть короля песчаной горы.

Несмотря на получивший было популярность тезис о российском правительстве реформаторов как о "первом правительстве профессионалов", одним из главных следствий гайдаровских реформ стала дискредитация чисто экономического подхода к системному реформированию столь крупных структур, как экономика СССР и России. Это - один из тех выводов, которые можно сделать сегодня, подводя итоги форсированной рыночной реформе в Советском Союзе и в России. Вывод, который, будем надеяться, поможет в будущем избежать подобных иллюзий, предотвратить введение в заблуждение как общественного мнения, так и власть предержащих, а также более серьезно отнестись к институту независимой экономической (шире - социологической) экспертизы как внутри страны, так и за ее пределами.

Экономическая политика, претендующая на коренное переустройство социальных институтов, чем бы она ни мотивировалась, в случаях, когда люди, отстаивающие ее, просят чрезвычайных полномочий, раздавая обещания скорого успеха, - должна опираться на интеллектуальный контроль, на эффективные каналы обратной связи в системе институтов государственной власти. Невозможность коррекции осуществляемых мер по ходу их осуществления, как убедительно показывает пример России, заводит страну в глубочайший кризис, чреватый тотальным разложением социальной ткани.

Императивом представляется ориентация политики в области государственного строительства на модификацию институтов власти, которая сможет нейтрализовать негативные проявления "командного" (в его реформаторском смысле) стиля форсированных преобразований, энергия которых пересекает все силовые поля жизненно-важных институтов общественной самоорганизации, игнорируя при этом практически все традиционные способы социализации, сложившиеся за многие десятилетия, оправдывая такие действия лишь ссылкой на их изначальную порочность, игнорируя возможность их эволюционной модификации.

К институциональным следствиям экономического радикализма относится то, что российские реформаторы, инициировав ряд процессов, ориентированных, в общем-то, на благие цели, не сумели создать в сжатые сроки из "подручного материала" эффективно работающие рыночные институты. Реформы, очистив площадку от старых институтов, не создали новых - *работающих на*, а не *против* стратегических целей демократических преобразований в России. У ресурсов должен быть хозяин, заинтересованный в их эффективном использовании, недопускающий хищнического отношения к объекту собственности. Не может быть хозяином тот, кто боится или не заинтересован объявлять свои права. Здесь ваучеризация особенно постаралась, введя неэкономические критерии при раздаче собственности государства. Только легализовавшийся хозяин, будет способен вкладывать средства в объект, ради получения от него отдачи, не рискуя при этом незаконным изъятием будущего дохода.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Создание институтов такого рода связано с большими затратами времени, труда и денег. Если говорить без обиняков, фиксация итогов передела собственности, являющаяся предпосылкой преодоления спада производства, возможна в том случае, если для этого будут созданы соответствующие законы. И посему этот курс в принципе не соответствует политике шоковых преобразований.

С этим связан очень важный вопрос, который можно было бы назвать центральным вопросом для новой стадии в развитии ситуации в России, а именно: способность частного сектора сменить свою ориентацию с торгово-посреднической деятельности на нужды производства. (Принимая во внимание, что в технологическом, да и в организационно-техническом отношении, оно осталось таким же, каким было 5 и 10 лет назад.)

Можно сказать, что реформы, проводившиеся в бывшем СССР с 1987-88 гг. и в России с 1992 г., усугубили крайние проявления искаженной экономической структуры, не смогли преодолеть той силы, которая определяла потенциал перманентного структурного кризиса в советской и в российской экономике. Россия лишилась последних резервов достаточно ликвидных экономических ресурсов для возведения здания новой экономики, свободного от структурных дефектов советского народного хозяйства. Продолжающаяся системная деградация воспроизводственной основы экономической системы составляет содержание одного и того же сценария, в рамках которого остается и сегодняшний, "новый этап трансформации". В этом состоял кризис советской экономики. С этим не справилась перестройка. Перед ним спасовал радикальный реформизм. В его логике остался нынешний "прагматизм".

Экономика России, вырванная из естественного для себя воспроизводственного пространства, год за годом все больше утрачивающая управленческую и технологическую совместимость с экономической структурой бывшего Союза, - в отсутствии теоретического осознания своей целостности (как состояния и как задачи), теряет фундаментальную способность к генерации приоритетов, позволяющих синхронизировать внутренние процессы. Не только бывшие республики СССР, но и отдельные регионы России обрекаются на интеграцию во "внешние системы", с соответствующим набором синхронизирующих приоритетов и механизмов.

До тех пор, пока в практической государственной политике, которая делает ставку на достижение синхронизации разнородных процессов в системе, не будет отчетливо просматриваться выбор основного синхронизирующего момента, никакая экономическая стратегия - как бы ее не называли авторы: "национально ориентированной" или политикой "открытых дверей", - не в состоянии привести к балансу внутренних процессов в национальной экономике и всего круга общественно-политических явлений, связанного с ними.

Продолжая урезать расходы, но не изобретая новых источников дохода и не развивая уже имеющихся, общество рано или поздно должно было прийти до той крайности, когда вопрос "как жить" упирается в вопрос: в каком качестве *можно жить* дальше? Прошло десять лет. Мы имеем антипод плановой экономики - экономику неплановую и разобобществленную. Но вместе с ней имеем и ситуацию фактически состоявшегося экономического банкротства. Сценарий банкротства российского государства пройден почти до конца. Его завершением станет опись имущества и назначение кредиторами своих уполномоченных. Этот момент непременно настанет, если не хватит решимости и умения использовать свой последний и потому особенно трудный шанс.

Любое будущее правительство в России, стремящееся решить задачу, первым делом должно заявить о своей готовности взаимодействовать с реальной эко-

МИР РОССИИ. 1995. №2

номикой, укрепляя ее потенциал. Война государства против собственной экономики - какая велась до последнего времени в России, - закончилась полным и безоговорочным поражением общества в целом. Мы находимся в новой точке, откуда должен начинаться новый отсчет времени.

ⁱИзменилось ли распределение физических ресурсов и интеллекта таким образом, чтобы граждане России могли надеяться на избавление от принципиальных недостатков самодельской экономики? Произошло ли в России в результате реформ "оптимальное распределение труда и капитала между отраслями"? Налажен ли механизм расширенного воспроизводства того фонда физических и интеллектуальных ресурсов (а не долговых расписок и не золота), за счет которого живет общество сегодня и сможет жить через десять и через двадцать лет?

ⁱⁱПотратив впустую ресурсы надо обращаться к новым источникам незадействованных средств. Однако таковых с течением времени становится все меньше. А сократившийся объем остающихся начинает требовать серьезного пересмотра самооценки субъекта, в нашем случае страны, с точки зрения его притязаний на "необходимое".

ⁱⁱⁱКогда в 1985-86 году была поставлена совершенно верная, с точки зрения общей оценки народнохозяйственной ситуации, политическая задача - постараться опереться на внутренние ресурсы и на модернизацию собственного инвестиционного потенциала, мало кто тогда мог оценить, насколько было упущено время в предшествующие пятнадцать лет. А оно оказалось упущено навсегда.

^{iv}Стоимость оборудования, выпускаемого по программам конверсии оборонных предприятий, как правило, в десятки раз превышала стоимость того, что предприятие-потребитель получало от гражданского производителя или по линии государственного импорта. Ограничения по размеру одновременных расходов у потребителей не могли перевесить "космический" уровень качества предлагаемых товаров.

^vПо Feinberg R. E. *The Soviet Union and the Bretton Woods Institutions: Risks and Rewards of Membership*. - Public Policy Papers/Institute for East-West Security Studies. - N.Y., 1989. -р.5

^{vi}В отношении последних надо заметить, что радикальные публицисты от экономики в 1988-1990 гг. придерживались той позиции, что созданию нового экономического агента препятствует политика "старого государства", подкармливающего через госкредиты и госзакупки заведомо нежизнеспособные структуры. Не перекрыв канал передачи денег последним, нечего было надеяться на освобождение пространства для новых рыночных агентов. Поэтому ратование за форсированное ужимание государственных инвестиционных программ и выход государства из экономики составляло важнейший элемент для создания исходных условий "реальных рыночных реформ".

^{vii}Замещение старого хозяина новым - вопрос политический. Его решение можно связывать с чем угодно, кроме надежды на укрепление общественного согласия и эффективное функционирование экономики, которая насковзь пропитана представлениями старого собственника - партийно-хозяйственной бюрократии.

^{viii}В условиях же либерализации внешнеэкономической деятельности и снятия государственной внешнеторговой монополии эффективность для новых агентов на этом экономическом пространстве оказывалась гораздо выше, чем ранее. В интервью "Московской правде" осенью 1988 года академик Л. И. Абалкин, утверждал, что один инвалютный рубль (категория почти позабытая в наши дни), потраченный на товары народного потребления, дает примерно десять рублей розничного товарооборота на внутреннем рынке. При этом речь шла о государственной торговле, с ее ценами, контролируемым государством, и системой весьма жесткого налогообложения. Это питало большое число социальных программ, программ военных и в целом помогало осуществлять крупные маневры финансовыми ресурсами через союзный бюджет.

^{ix}Причем, что важно, пропорция цен на ширпотреб и на капитальные товары была обратной той, которая существовала на внешних рынках. В 1990 году, когда коммерческий курс стал широко применяться для общих экономических оценок, за один персональный компьютер стандартной конфигурации стоимостью в одну тысячу долларов США в СССР

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

можно было "купить" одно рабочее место в машиностроении, между тем как в тех же США для этого понадобилось бы более 20 таких компьютеров.

^xВ попытке догнать мировые цены, наши реформаторы упускают из виду, что в силу ряда обстоятельств, таких как, отсутствие развитых рынков земли, недвижимости, рабочей силы, интеллектуальной собственности и пр., - структура внутренних цен попросту не сопоставима с пресловутой мировой ценой. Стимулируя же рост цен, соответствующая политика, неправомерно завышает стоимость того, набора факторов, которые учитываются при формировании цены на внутренних рынках. Разумеется, следует посчитать, насколько именно указанные обстоятельства меняют нынешнюю статистику относительных цен. Не вызывает сомнения лишь принципиальный вывод о методологической порочности своеобразно-"номинализма" в ценовой политике, которую отстаивают сегодняшние политики реформ.

^{xi}К несчастью для страны, ее большую часть составлял обрабатывающий сектор - основа воспроизводимого богатства нации. Но в ходе преобразований внутри последнего никаких заметных источников роста создано не было. Более того, многие заделы, которые могли бы использоваться в таком качестве, были утрачены.

^{xii}При этом идут примечательные процессы разделения деловой элиты на собственников и менеджеров. Далеко не всем лидерам капитализации сегодня под силу обеспечить сохранение своих капиталов. Началось рекрутирование профессионалов, поколение которых, по всей видимости, составило основной интеллектуальный потенциал негосударственной экономики.

^{xiii}Система власти в России подошла к рубежу, за которым начинается многовластие внутри силовых ведомств и выход их разногласий на уровень открытых противоречий в высшем эшелоне власти.

^{xiv}То, что сегодня подчас воспринимается обозревателями как искусственное сдерживание дальнейшего роста курса доллара, согласно нашим оценкам, является в действительности его возвращением к истинным пропорциям, отвечающим структуре хозяйственной деятельности в России и США. Не стоит спорить с тем, что этот процесс как и его предшественник не всем принесет выгоды. Однако сдвиг в структуре выигрывающих и проигрывающих должен мериться не их собственными интересами, а интересами России. Для России же нет большего стратегического выигрыша, чем создание нормальных соотношений для процесса воспроизводственной деятельности в реальном секторе хозяйства.

^{xv}Ситуация в этом плане представляется столь серьезной, что следует говорить о перспективе качественно новых основ у будущей денежной экономики России.

^{xvi}Увы, эйфория от распродажи имущества, эйфория от временно выросшего потребительского стандарта должна пройти. Реально Россия не может жить согласно тем потребительским ожиданиям, которые задала эпоха внешнеэкономической вакханалии. Мы не можем есть голландскую колбасу, новозеландское масло и пить немецкое пиво. Мы не можем смотреть только японские или голландские телевизоры и видеоманитофоны, слушать их аудиотехнику, ездить на BMW, Мерседесах и Тойотах. Потребительский стандарт должен быть приведен в соответствии с реальными экономическими возможностями страны.

Не будучи в состоянии быстро поднять качество собственного производства, страна не может повышать свой потребительский стандарт. Этот тезис может стать одним из пунктов о коллективной ответственности в будущем договоре об общественном согласии. Человек, желающий ездить на Тойете, но не способный производить телевизор Сони, а выпускающий вместо этого телевизор Витязь, должен в первую очередь приобрести Запорожец или Жигули. Если человек, производящий Запорожец, не может производить ни Тойету, ни тем более BMW, то и он должен быть ограничен в своем потребительском спросе, и смотреть он должен цветной телевизор Витязь. Хотите выйти за рамки этого набора - модернизируйте производство, добивайтесь согласования экономических интересов через структуру институтов, формирующей экономическую политику государства.

^{xvii}Одно дело, если продукт труда высококвалифицированного математика оценивается из расчета 200 долларов за месяц работы, другое дело, если этот труд оценивается согласно его конкурентной цене - 10-20 тыс. долларов. Тогда то, что вы предлагаете в качестве залога может рассчитывать на совершенно разную сумму средств. Это вопрос обменного курса национальной валюты, вопрос того, какие факторы и каким образом участвуют в

МИР РОССИИ. 1995. №2

его формировании. То же самое относится к природным ресурсам и к объектам недвижимости.

^{xviii}Значение этого фактора подчеркивается известным фактом, согласно которому покупательная способность наличной иностранной валюты, обращающейся внутри России, в соответствии с действующим курсом, примерно в 2 раза превышает покупательную способность всех наличных рублей. Изменение такого положения можно отнести к одному из самых важных макроэкономических моментов новой стадии экономических преобразований в новой ситуации.

^{xix}Роль этих отношений тем более высока, что они выстраиваются отнюдь не по "советской" линии поиска в центре дополнительных инвестиций и экономических льгот, а в первую очередь вокруг объектов собственности в регионах, составляющих основу для привлечения иностранных инвестиций (в основном это объекты недропользования). В этом смысле характер взаимоотношения властей, видимо, претерпит значительные изменения.

^{xx}Экономики, чьи основные ценообразующие факторы находятся на внутренних рынках, экономики, обеспечивающую паритетную военно-техническую и технологическую взаимозависимость от внешних центров силы.

^{xxi}Для сомневающих в значимости этих вопросов при взаимоотношениях с "цивилизованным миром" можно рекомендовать пример Китая, вынужденного вступить в феврале 1995 г. в открытую конфронтацию с США, рискуя гораздо большими экономическими потерями от остановки прямых инвестиций, чем об этом может мечтать Россия.